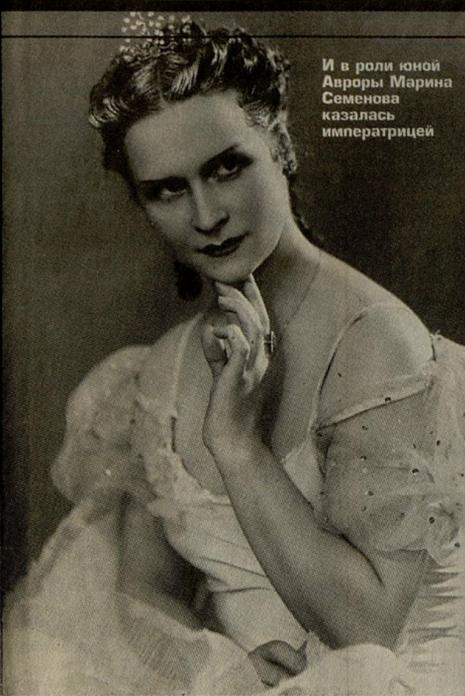

homage

Марина Семенова в миниатюре
Михаила Фокина «Умирающий лебедь»

Когда были все эти письма против Григоровича, она сказала: «Ничего никогда не подписывай; пока стоят эти колонны, ты должен танцевать, а не бумаги подписывать»
Николай Цискаридзе — о Марине Семеновой

И в роли юной
Авроры Марина
Семенова
казалась
императрицей

Возраст и статус балерины редко
совпадают: уже в 30-е годы молодая
прима позировала для истории

Сегодня юбилей великой русской балерины, народной артистки СССР Марины Семеновой. Официально Большой театр празднует юбилей 12 июня, но поскольку сама Марина Тимофеевна отмечает свой день рождения по старому стилю 30 мая, мы решили поздравить ее сегодня. Специально для Газеты Андрею Мурзину рассказали о Марине Семеновой ее коллеги и ученики.

“была не так влюблена в балет, как балет в нее”

«никто не мог подражать ей — ни в чем»

Суламифь Мессерер, балерина, педагог, Лондон:

«Я прекрасно знала Семенову — мы много лет жили в одном доме — тогда еще на улице Горького (я на третьем этаже, а она — на четвертом), и могу вам сказать, что она была подлинная прима-балерина для всех времен. Никогда не было такой на моей памяти, никто не был на нее похож, и никто не мог ей подражать ни в чем. Я не могу говорить, что дружила с ней, потому что она была несравненно выше, я только мечтала быть такой, как она. Обладая безупречной силовой техникой, Семенова в то же время была балериной, как бы это сказать... прежних времен, старого, ушедшего стиля.

Какой была в «Баядерке» — красивой и мужественной. А впервые я видела ее в па-де-де из «Лебединого озера», в котором она танцевала в паре с Виктором Семеновым — мужем и однофамильцем. Человек он был нелегкий, они потом разошлись. Конечно, у нее не было такой громкой карьеры, как, скажем, у Улановой, хотя она была выше ее, намного выше, но с ней не особенно считались... Да, Малиновская, руководившая Большим театром, ее любила, но иные — нет, не считались с ней из-за того, что так ужасно сложились ее судьбы. Ведь у нее все в одночасье рухнуло после того, как все это случилось с Караханом, замужем за которым она была (Лев Михайлович Карахан был полпредом в Турции, в 1938 году был отозван и расстрелян. — Газета) Он был красив, в фаворе, повез ее в Париж, где она имела успех. Но когда с ним развелась, то все думали, что и ей пришел конец, что ее тоже могут посадить и расстрелять... Ей пришлось тогда же снова выйти замуж — за Голубина, балетного из Большого, а у него была семья... Началась тяжелая и во многом скрытная жизнь.

Вот говорят, что она всегда была влюблена в жизнь, я так не думаю — столько перенести... И она могла и станцевать гениально, а могла и провалить весь акт, быть в таком состоянии... постоянного, что ли, напряжения, стресса. Однажды она сказала мне: «Я хочу устроить вечеринку у себя дома и пригласить Аксенова — был такой чтец (одно время муж Елены Гоголевой. — Газета), я хотела бы иметь от красивого мужчины ребенка». Я не знаю, что там потом получилось, но была вечеринка, и они очень как-то подружались, смеялись много... Она могла привлечь мужчину, хотя не была красива, но была пропорционально сложена, у нее были достаточно красивые ноги, она была темпераментной женщиной — и как бы в то же время не показывала этого, наверное, это и привлекало... Хотя одевалась скромно, даже безукрасно. А потом, знаете, она всегда доминировала — везде. У нее, несмотря ни на что, был всегда абсолютный авторитет в Большом театре. И она никогда не афишировала свою жизнь, и правильно поступала. Потому что она умная. Ведь все равно ничего растолковать нельзя никому. Последний раз я встретила ее в Москве, в Большом, когда приезжала на родину. Но это так было мимолетно, а вот раньше мы встретились в Нью-Йорке, и это было удивительно неожиданно: она выходила из метро — и мы видим друг друга. «Ах, Марина!..» — «Ах, Митта!..» А в Москве так улыбаются друг другу...»

«думаете, она небожительница? не тут-то было»

Николай Цискаридзе, ведущий танцовщик Большого театра:

«Любимая, обожаемая, родная, великая — добрая и требовательная. Это ведь все равно, как перед вами оказалась икона, — и вот решайте. Мне остается надеяться, что я решал сразу. И вы понимаете ведь, это во всем — и в театре, и в личном общении... Ну, то есть когда чай вместе пьем у нее на Тверской... Марина Тимофеевна готовит замечательно, обедают в магазине и приготавливают что-нибудь. Помню, у нее диплом мой обмывали шампанским — столько всего было... И в зоопарки ходим.

юбилей Марины Семеновой

Газета — 2003. — 30 мая с. 13.

«Тень на ее лице я читала как отзвук мрачных событий в ее жизни — в 1938 году расстреляли ее мужа» — Майя Плисецкая о Марине Семеновой

Вы кто думаете, она небожительница какая-нибудь? Не тут-то было. Она моложе нас всех вместе взятых, несмотря на внуков и правнуков. Что дома, что в зоопарке в Австралии. Там самые потрясающие птицы, на балетных похожи — ничего общего не находите?..

А недавно она выставку открывала в Санкт-Петербурге, в Мраморном дворце, посвященную Мариинскому театру. Она вообще повсюду — на всех вводах в театре, в музеях, вообще в жизни... Я помню, мы были с ней на юбилее Большого театра в Манеже — как она комментировала эскизы. Одно дело видеть их, а другое — когда слышишь живой рассказ, словно присутствуешь на спектакле, которым семьдесят и даже больше лет. Да когда Марина Тимофеевна в класс входит, все как один встают — строптивые наши, из молодых да ранних.

Конечно, она и моя защитница. Они вместе с Галиной Сергеевной меня защищали, по-разному совершенно, это было так удивительно. Говорили как бы одно и то же, но по-разному это было. Уланова имела все регалии, Семенова — нет, но по-настоящему народной была, просто — народной. Меня она заметила, когда мне девятнадцать было, и сказала: «Мальчик, приходи ко мне в класс». А когда были все эти письма против Григоровича, Семенова сказала: «Ничего никогда не подписывай; пока стоят эти колонны — ты должен танцевать, а не бумаги подписывать». — и сама никогда ничего не подписывала. А с Григоровичем и по сей день в хороших отношениях. Но и реформы приветствует. В том направлении, что пора бы уж и себя любить, свой театр, а не только то, что издалека, из-за моря. Если, конечно, это не Петербург, но не рядом. Это ведь ее родной город. Семенова на Васильевском родилась, в Петербурге начинала... И книга-то у нее любимая — «Петр Первый» Алексея Толстого. Кстати, семья была не балетной, и даже саму Марину Тимофеевну не сразу раскусили — кем ей суждено было стать. Но она... стала. Ученица Вагановой. Ее педагог, непререкаемый человек в ее жизни. О ней и о маме чаще всего вспоминает. О ней и о маме чаще всего вспоминает. О Петербурге, конечно, тоже, с ностальгией, хотя мало кого видела. Спесициеву вспоминает, да еще наводнение, но для Семеновой воспоминания, знаете ли, особенная вещь, она редко вспоминает. Как и интервью вообще никогда не дает. Никому. Мудрый человек просто. Не считает нужным делиться личной жизнью. Что плакать, что Лифарь обругал ее в своей книге после того, как она вариацию бисировала в парижской «Жизели» в тридцатых. Там ее принимали невероятно — мне

покойная Ирэн Лидова рассказывала, какие были овации! Нескончаемые!.. Бисировать эту вариацию — вообще невероятно, потому что умираешь-то по-настоящему, можно сказать, а она — небывалая вещь — бисировала. И тяжело невыносимо, и просто — не бы в а л о. А она смогла! Семенова — это эталон балета для всего мира, без преувеличения. И культура танца какая! А вообще Марина Тимофеевна — это олицетворение всего русского, самой России. Наверное, не только для меня».

«она в удивительной форме: и голова и ноги»

Нинель Кургапкина, балерина, педагог, Мариинский театр:

«Марина Тимофеевна только что приезжала в Петербург, на открытие выставки, и была в прекрасной форме. Это вообще удивительно: я два года назад была на ее классе в Большом театре в Москве — ну так ей было лет сорок на вид, она делала замечания, во всем участвовала. Она в удивительной форме — и мозги и ноги. Вот так я скажу про Семенову. Конечно, безумно жалко, что она уехала из нашего города со своим мужем, которого пригласили в столицу: роман, что поделаешь. Ваганова так переживала, Семенова была ее любимой ученицей. Тут, мне кажется, был ее лучший период, потому что, когда она спустя несколько лет приехала из Москвы, кажется, было уже совсем не так. Говорили, что вместо разогрева она опускала ноги в горячую воду. Но были у нее невероятные задатки — самые лучшие.

Просто, как шутили, она была не так влюблена в балет, как балет в нее. Ведь она идеально сложена, маленькая головка, сценически была безупречна, глаза какие... Красивой она, быть может, и не была, но как балерина — идеал. Жаль, что рано перестала танцевать. Лучшая ее партия, конечно, Одетта. Но и Жизель тоже. Вот говорят, что в Париже Семенова в сцене сумасшествия, когда Ганс приводит ее в чувство, кричала: «Мама, мама!» — и все будто бы смеялись... Ну так в этот миг просветления Жизель и протягивает руки к матери, это все делают, и все произносят про себя: «Мама, мама...» Жизнь у нее была яркая, хотя и трагическая тоже. Карахан, Аксенов, от которого дочь... Может быть, ей хотелось и личной жизни тоже, как-то это ей импонировало. Человек же она очень милый. Сколько бы мы ни встречались, она относилась ко мне всегда очень хорошо».

«лентя с ней работать не могут»

Александр Васильев, художник, Париж:

«Я не так хорошо знаю Семенову, она мало с кем общается. Я вот позвонил ей недавно по поводу моей новой книги «150 лет русской моды», но она сказала, что блузы и рюшки ее никогда не интересовали, и бросила трубку. По-моему, она, правда, не узнала меня: мы не так часто встречались и общались — последний раз в Чили, там выступал Григорович с труппой, и Семенова была очень любезна. Репутация у нее в Большом исключительная, и лентя с ней работать не могут — это мне известно. Так что педагог она блестящий; ну а в прошлые времена в Большом она, быть может, не была на столь видном месте, как Уланова или Плисецкая, в силу и природных данных, и музыкальности, но ведь Большой, вообще-то, многие покинули — в известные времена. И Балашова, и Каралии, и Фроман — оставалась лишь Гельцер, потому что ее Дягилев из-за лишнего ног не взял... К Семеновой всегда было хорошее отношение в труппе. И у Плисецкой в том числе: почитайте ее книгу. С Лифарем же в Париже они как бы соперничали. Он ее пригласил, будучи сам звездой, и они спорили — кому первому на поклоны выходить...»

Фотографии предоставлены Музеем Большого театра.

Жемчужина выпуска 1925 года, Марина Семенова стала триумфом педагога Агриппины Вагановой. Она выпустила ее в балете «Ручей», в котором «имела прощальный бенефис». И не просчиталась

Чтобы попасть на «Спящую красавицу» с участием Семеновой, поклонники приходилось дежурить у касс Большого не одну ночь

“это был гипноз”

«Если кто-то и может соперничать с Улановой, то это Марина Семенова», — писал выдающийся балетмейстер Федор Лопухов. Марина Семенова, любимая ученица Агриппины Вагановой, — одна из самых громких легенд русского балета. Русско-го, несмотря на то что танцевать и царствовать (именно так расценивали современники ее манеры и стиль поведения) ей пришлось в период расцвета советского балета — в тридцатые-пятидесятые годы. Семенову современники обожали, хотя никто, наверное, так и не смог выразить в словах, за что. Может быть, за то, что не была ни первой, ни второй. Она была отдельной.

Майя Плисецкая, пришедшая в Большой театр, когда Уланова, Семенова, Лепешинская были в зените славы, в своей автобиографии отметила: «Она была крепостной, но с царственной статью. Вот кому бы сыграть Екатерину Великую, проспали наши режиссеры, проспали. В лице ее было что-то лисье, недоброе, она редко улыбалась, ее награды был безразличный прищур глаз. Тень на ее лице я читала как отзвук недавних мрачных событий ее жизни — в 1938 году арестовали и расстреляли ее тогдашнего мужа Карахана, нашего посла в Турции. Ее саму держали под домашним арестом. Танцевала она ослепительно. Стальные ладные ножицы, безукоризненно выученные Вагановой, крутили, держали, вертели ее лепное тело на славу. Семенова была первым выпуском Вагановой, и та открыла Марине первой все ведомые ей технические законы танца».

Описывая роли Семеновой — Раймонды, Никии, Золушки, Авроры, Одетты, — современники захлебывались эпитетами. Но почитать сегодня — слова и слова: о скульптурной легкости, выразительном жесте, потрясающей технике и редкой органике. Красивые, умные, но мало что объясняющие. Остается поверить все той же Плисецкой: это был гипноз. Категорическое нежелание Семеновой комментировать свою жизнь, давать интервью газетчикам («все равно все переврут») вошло в легенду. Но она вовсе не молчунья вроде Улановой — артисты собирают и коллекционируют ее высказывания, едкие, острые, всегда смешные. Она обожает разыгрывать молодых, и об этом тоже ходят байки. Если собрать их вместе (и, может, когда-нибудь Марина Тимофеевна даст на это добро), получится остроумнейшая балетная летопись вроде анекдотов великой Равенской. Недавно Марине Семеновой вручили приз Бенуа — за жизнь в искусстве. Зал встал, а Семенова — маленькая, сухонькая — долго ходила по авансцене, приветствуя публику, как императрицы приветствуют свой народ.